

ПРЕЗЕНТАЦИЯ **к учебной дисциплине “Внешняя политика Республики Беларусь”**

Тема 4. Двусторонние отношения Республики Беларусь **на современном этапе**

вопрос 4.1. Эволюция целей и содержания белорусско-российской интеграции **в начале XXI в.**

После президентских выборов 1994 г. в Беларуси, которые ознаменовали новый стиль руководства страной, ее внешнеполитические акценты формировались и изменялись в виде геополитического маятника. Минск находил выгодный момент направлять его то на Восток (российский приоритет), то на Запад – в сторону Европейского союза. Такая тактическая избирательность длительное время позволяла государству отстаивать суверенитет и интересы в экономике и внешней политике. Транзитное положение Беларуси помогало безостановочной работе маятника, поскольку так либо иначе встречало заинтересованность большинства стран евразийского пространства во внешних связях с нею.

Более существенные импульсы геополитический маятник получал в восточном пункте раскачивания. Это – российская плата за позицию Беларуси быть для постсоветских республик образцом интеграции, которую инициировало российское руководство. Значение подобной интеграции заметно возросло в начале 2000-х гг., когда новый президент В. Путин стал целенаправленно восстанавливать влияние в так называемом “ближнем зарубежье”.

Общие черты этой стратегии сложились при первом российском президенте Б. Ельцине. Его линия: за региональное лидерство следует платить. Во имя такой цели Кремль поддерживал не только политическими средствами, но и финансово, дружелюбных лидеров постсоветских стран. В. Путин в постельцинской России на протяжении всех лет фактического правления проводил принципиально иную концептуальную линию, а именно: главенство России на постсоветском пространстве должно обогащать ресурс российской экономики и стратегии, а не держаться ценой их издержек. Эта линия относительно Беларуси метафорически воплотилась в известном призыве В. Путина “отделить мух от котлет”.

Тем не менее, президенту Беларуси А. Лукашенко удавалось мастерски влиять на руководство России. Провозгласив курс на интеграцию, на создание с Россией Союзного государства, официальный Минск избегал мер, способных подорвать экономическую и политическую самостоятельность Беларуси, поставить ее ресурсы под контроль соседнего государства. С точки зрения белорусских интересов подобная тактика целиком оправдана. В определенной мере Беларусь развивалась ценой экономических ресурсов и преференций, получаемых от союзной России. Но взамен давала союзнические обещания, некоторые в последний момент под различными предлогами отказывалась выполнять (например, вопрос введения единой валюты). Со временем Россия перестала с этим мириться (возможно, переломным моментом стал отказ Республики Беларусь признать независимость Абхазии и Южной Осетии), и Москва нажала на неуступчивую союзницу, в первую очередь, энергетическими рычагами, чтобы де-факто превратить ее в целиком контролируемое пространство, даже лишить экономической самостоятельности. В перспективе такая линия, по мнению наиболее последовательных критиков союзных российско-белорусских отношений, могла привести к поглощению Беларуси Россией.

Полное объединение с «большим братом» противоречит геополитическим, экономическим и национальным интересам Беларуси. С учетом географического положения ей выгод-

но пользоваться преимуществами сотрудничества как с Россией, так и с западным соседом – Европейским союзом.

Однако в непростых экономических условиях (воздействие внешних факторов на валютно-финансовый кризис 2011 г. и его последствия в Беларуси) руководству страны пришлось идти на вариант углубления интеграции “по необходимости” (заметим: Казахстан, такой же член Таможенного союза трех стран, смог в его рамках углублять интеграцию “по желанию”). При этом запуск геополитического маятника в сторону Запада, еще возможный в 2008–2010 гг., позже стал скорее гипотетической, чем реальной перспективой.

Дальнейшая эволюция белорусско-российской интеграции сопровождалась усложнением позиций официального Минска. Ему стало на порядок труднее исполнять функции образцового партнера в российских интеграционных схемах. Как следствие, нарастала тенденция ограничения самостоятельности внешних шагов белорусского руководства со стороны российских центров влияния.

Последние предостерегали Беларусь от сближения с ЕС и НАТО. Важно подчеркнуть, что в белорусском обществе, как и в руководстве страны, нет намерений вступить в НАТО. Союзная Россия усмотрела проблему западной белорусской границы, имидж которой для Запада и Востока Беларусь формировала как «новую Брестскую крепость, отбивающую атаки НАТО» и создающую щит против нелегальных мигрантов, наркокурьеров и террористов, прибывающих с востока, читай: с России. Москва убеждала, что надежность западной белорусской границы – не есть результат эксклюзивных усилий Беларуси, а заслуга хорошо финансируемой программы благоустройства внешних границ в рамках Союзного государства.

Различные российские центры беспокоились из-за процесса гипотетической белорусизации/“белорусификации” россиян, проживающих в Беларуси, и беспочвенно подозревали, что их втягивают в антироссийские информационные кампании по натравливанию российской общины на свою историческую родину.

Некоторое основание для российского беспокойства имели шаги официального Минска навстречу Европейскому союзу. Примерно с осени 2008 г. они вылились в восстановленный диалог властей Беларуси с ЕС и в планы участия в проекте “Восточного партнерства”, куда РБ была приглашена в конце марта 2009 г. Но белорусское руководство сдержанно и избирательно реагировало на это событие. Акцент ставился исключительно на экономические отношения между Минском и Брюсселем, на отказ от дискриминационных мер Запада. Беларусь настойчиво искала новые ниши для экономического выживания и возможности ослабления изоляционистских сценариев ряда стран-членов Евросоюза. Москва же подозревала, что для белорусских руководителей при сближении с ЕС политические и имиджевые дивиденды важнее финансово-экономических.

На состоянии двусторонней интеграции отразились разные подходы к ее продолжению. Их суть: Беларусь и Россия по-прежнему заинтересованы одна в другой, но эта заинтересованность стала несимметричной и асинхронной. Российские центры анализа доводили, что с годами зависимость белорусской экономики от российской растет, а в ее экспорте преобладает продукция из российского сырья и комплектующих; при этом российские субсидии приобрели критическое влияние на белорусскую экономику. В то же время зависимость России от Беларуси, включая военно-политическую и транзитную, уже существенно снизилась, либо сходит на ничто. Общая потребность Беларуси для России падает, что обуславливает

целесообразность снижения экономической поддержки. Сама же Беларусь не генерирует задачи, способные усилить эту потребность.

Однако проблема несамостоятельности Беларуси в интеграционных схемах Кремля все же не была фатальной. Придание дискуссионности разным аспектам двусторонней интеграции вовсе не являлось следствием враждебности, конфронтации или разлада между странами. Дело в прагматизме: российские центры анализа пришли к выводу, что на данном этапе геополитический интерес Запада к Беларуси утрачен. И став исключительной сферой влияния России, Республика Беларусь стала усиленно подвергаться “подгонке” под российские интеграционные схемы. В Москве понимали необходимость торопиться, пока Западу не до Беларуси, ибо тот переключил внимание на решение собственных проблем, урегулирование военно-политических конфликтов в Северной Африке. В нашем регионе он целиком отдает преобладание Украине – ключевой стране постсоветского пространства. В этих условиях руководству Беларуси становилось труднее убедить мир в важности поддержки права на ее суверенную самостоятельность.

Из сказанного следует, что с начала XXI в. Россия сменила цель двусторонней интеграции: стремилась придать Беларуси лимитрофную роль, ради чего создавала для “ближнего зарубежья” образ Беларуси, счастливой благодаря союзу с Россией; одновременно использовала ее как стратегического партнера и главную опору своего влияния на западе постсоветского пространства. Варианты суверенной внешней политики Минска сводились к минимуму. Ради этого российское руководство постоянно заявляло о готовности интегрироваться в разные проекты: Союзное государство, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз. Стремление удерживать Беларусь в сфере своего влияния должно было побуждать российское руководство вкладывать в эти проекты серьезные ресурсы. Однако реальность была иной, поскольку российские решения реализовывались не всегда из стратегического центра, а под влиянием разных групп интересов, центров влияния. Как правило, они имели иной взгляд на конкретные решения в рамках возникающих экономических ситуаций.

А в целом двусторонняя белорусско-российская интеграция в начале XXI в. переживала малопримечательную эволюцию, характерной чертой которой становились намерения и практические шаги российского партнера по закреплению экономико-политической зависимости Республики Беларусь. Вырисовывалась стратегическая цель Кремля: жесткими экономико-политическими средствами удерживать Беларусь на российской геополитической орбите, целиком исключая ее разворот на Запад.

вопрос 4.2. Белорусско-российское стратегическое сотрудничество на принципах союзной государственности в 2007–2014 гг.

В двусторонних белорусско-российских отношениях стержневую линию сохраняло стратегическое партнерство в рамках Союзного государства. В 2007–2009 гг. приняты решения по укреплению партнерства в сферах военного сотрудничества, обороны и безопасности, в частности – заключены двусторонние соглашения о совместной охране внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве, а также о создании Единой региональной системы противовоздушной обороны Беларуси и России. Документы подтвердили стабильный характер союзнических отношений и поставили правовую “точку” в уже имеющем место тесном стратегическом взаимодействии сторон в данной области.

Соглашение о создании Единой региональной системы ПВО белорусский президент утвердил значительно позднее: в феврале 2012 г. Надо полагать, такой шаг откладывался с 1999 г. ради получения от России взамен более выгодных экономических преференций.

Уважая принципы стратегического партнерства, белорусская дипломатия продолжала работу с российской стороной, в том числе, в контексте союзного строительства. Сохранение основополагающих принципов – равноправия сторон и гарантий суверенитета Беларуси – при этом оставались в центре ее внимания.

Стратегическими по значению были также результаты в гуманитарной сфере. В 2008 г. вступили в силу: межправительственное Соглашение о порядке оказания медицинской помощи гражданам Беларуси в учреждениях охраны здоровья России и гражданам России в белорусских учреждениях здравоохранения; двустороннее соглашение об обеспечении равных прав граждан двух стран на свободу передвижения, выбор места нахождения и жительства на территориях государств-участниц Союзного государства. С вступлением в силу этих соглашений весь пакет равных прав белорусов и россиян в Союзном государстве приобретал практический статус.

В октябре 2008 г. на заседании совета министров Союзного государства обсужден ход реализации Плана мероприятий по созданию единого информационного пространства в области средств массовой информации на 2007–2010 гг. В январе 2009 г. стороны подписали совместный антикризисный план. Его стержень – обмен информацией по приватизации объектов промышленности и укреплению экономической интеграции.

Выработанная в 2008 и закреплённая в начале 2009 г. стратегическая линия белорусской деятельности на российском направлении в основном обеспечивала стабильность взаимодействия, которое осуществлялось с учетом национальных интересов страны.

Понятно, белорусско-российское стратегическое партнерство не было, как и прежде, идиллическим. При непредвзятой оценке было видно, что у этого союза преобладают идеологические основы, а экономические либо весомые политические основания функционирования Союзного государства обнаруживались непросто.

Наиболее пессимистические оценки сводились к тому, что всё, связывающее две страны, действует и без Союзного государства. Скептики считали, что Россия никогда не признает Беларусь равным партнером в международных и даже внутренних делах. В этом плане Союзное государство подавалось мифом, а российско-белорусские отношения сводились к статусу метрополии и зависимой территории.

К сожалению, подобные оценки в чем-то оказывались резонными. К весне 2009 г. белорусско-российское стратегическое партнерство приобрело некоторые деструктивные приметы. Отношения Минска с Москвой, хотя и политически приглушенно, омрачились из-за оживления западноевропейского вектора Беларуси и “провисшего” вопроса признания ею независимости Южной Осетии и Абхазии. Оба процесса были не только причинно обусловлены, но и связаны во времени. Весной 2009 г. это означало: если под давлением России Беларусь не становится участницей “Восточного партнерства”, то признает две новые самопровозглашенные республики и сохранит широкие российские финансово-экономические преференции. Если же она включается в “Восточное партнерство”, то изменится к худшему содержание российско-белорусского стратегического партнерства.

Минск стал участником программы “Восточное партнерство” и попытался «играть на два фронта» с целью сохранить благоприятные отношения и с Москвой, и с Западом. С эко-

номической точки зрения такая тактика вполне оправдывалась, ибо ЕС для Беларуси являлся вторым по важности торговым партнером после России – туда в 2008 г. было направлено 44 % экспорта и товарооборот оценивался в 22 млрд дол. (с Россией – 35 млрд). Москва же усматривала в участии Беларуси в “Восточном партнерстве” нарушение союзнических обязательств. Однако прямых препятствий до 2010 г. не предпринимала.

Позже российские союзнические амбиции проявились в стремлении наращивать российский военный потенциал на белорусской территории. В условиях эскалации региональной напряженности из-за дестабилизации Украины Россия в 2014 г. планировала разместить в Беларуси тактические ядерные вооружения, чтобы приблизить их к военным базам НАТО в странах Балтии. Вероятная реализация плана не усиливала безопасность Беларуси.

Таким образом, в 2009–2014 гг. белорусско-российская интеграция и стратегическое партнерство в рамках Союзного государства переживали испытания как реальность и иллюзии. Согласно оценкам, трудный белорусско-российский союз все же стал реальностью. А к иллюзиям следовало отнести высказывания отдельных российских экспертов относительно лимитрофных черт двусторонней интеграции. Интеграция “по необходимости” ограничивала движения геополитического маятника суверенными усилиями Беларуси. Возросшая кредитная зависимость от России, продажа части производственных активов, запаздывание с реформированием экономики – все эти факторы постепенно ограничивали геополитические опции белорусского государства. После президентских выборов 2010 г. белорусский маятник вообще приостановился в восточном пункте амплитуды. Сложностей добавлял украинский фактор региональной дестабилизации. Все это представляло опасность для Минска, поскольку роль запуска маятника на полную мощность переходила от Беларуси к России либо, гипотетически, – к Западу.

Тема 5. Многостороннее сотрудничество и роль Республики Беларусь в укреплении международной безопасности

вопрос 5.1. Прагматизация позиции Беларуси в структурах европейской безопасности

Основным результатом на европейском направлении стала активизация с 2008 г. диалога между Минском и Брюсселем, его перевод в конструктивное, прагматичное русло. Если ранее значительные усилия затрачивались на противодействие ограничительным мерам со стороны Европейского союза, то благодаря возникшей политической воле в белорусско-евросоюзном диалоге открылось новое “окно возможностей”. Готовность Беларуси к развитию и углублению отношений декларировалась давно. Периодически направлялись соответствующие инициативы.

В 2008 г. Беларусь первой предприняла ряд шагов, ожидаемых в Брюсселе: а) открытие в Минске Представительства Еврокомиссии; б) обеспечение максимально благоприятных условий для международных наблюдателей во время парламентских выборов, в том числе, по линии Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ и Парламентской ассамблеи ОБСЕ; в) начало диалога с БДИПЧ по реформированию избирательного законодательства; г) либерализацию государственной политики относительно профсоюзов и оппозиционных СМИ; д) регистрацию общественного объединения “За свободу”; е) создание Общественно-консультативного совета при

Администрации Президента Республики Беларусь с участием представителей политических партий и общественных движений, включая оппозиционные.

Действия официального Минска не остались незамеченными. Изменилось содержание заявлений ЕС относительно Беларуси в сторону более сдержанных комментариев о внутривнутриполитической ситуации, отказа от санкционных угроз, смягчения проблемных моментов. В сравнении с предыдущими избирательными кампаниями в Беларуси оказались более сбалансированными со стороны ОБСЕ оценки парламентских выборов-2008.

У европейских партнеров складывалось понимание, что ЕС и Беларусь взаимно заинтересованы в конструктивном, прагматичном взаимодействии. Брюссель позитивно воспринял констатацию белорусской стороны о том, что нормализация на европейском векторе не будет осуществляться Минском в ущерб отношениям с Москвой.

После августовского 2008 г. грузино-российского конфликта Запад пришел к мысли, что Россия вступила на путь восстановления территориальных границ СССР. Многие западные аналитики стали воспринимать Беларусь как наиболее вероятный очередной объект “имперских действий Москвы”, угрожающих сохранению субъектности белорусского государства. Из-за этого повысилось внимание к ее внешней политике, а геополитическая роль Беларуси значительно возросла. За благосклонность Минска стали конкурировать Москва и Брюссель. ЕС досрочно и без предварительных условий включил Беларусь в программу “Восточное партнерство”. Ранее Запад под лозунгом недемократичности правящего режима свертывал политические контакты с белорусским руководством. И вот в новых условиях обострение ситуации в зоне бывшего СССР привело к своеобразной тактике соревнования между Западом и Востоком Европы за лояльность Минска.

В Минске избрали осмотрительную позицию, сочтя, что бесповоротная и односторонняя поддержка одной из сторон приведет к геополитическому дисбалансу в Европе. Восстановление равных партнерских отношений с ЕС происходило без перевода их в состояние стратегических. Такое состояние взаимоотношений снимало опасения Москвы потерять союзные отношения с Беларусью и одновременно предотвращало гипотетические российские инкорпорационные намерения.

Дальнейшее продвижение диалога Минска с Брюсселем зависело от взаимных шагов, однако уже весной 2009 г. стало очевидным: и Евросоюз, и ряд других европейских институтов, включая ОБСЕ и Совет Европы, и правительства европейских стран все выразительнее позиционировали Беларусь как ответственного партнера.

Нормализация отношений сводилась к достижению устойчивого диалога, позволяющего начать разработку нового расширенного Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Беларусью и ЕС. Минску было важно либерализовать взаимную торговлю, провести полномасштабные переговоры с Евросоюзом по присоединению к ВТО, восстановлению Обобщенной системы преференций ЕС для белорусских товаров. Давно назрела заключение соглашения об упрощенном визовом режиме между Беларусью и ЕС.

Практическая реализация инициативы “Восточное партнерство” гарантировала расширение диалога Республики Беларусь с Европейским союзом на двустороннем и страновом уровнях. Она расширяла возможности страны для модернизации экономики, доступа отечественных товаров на рынок ЕС, привлечения внешнего финансирования под приоритетные белорусские проекты, развития национального транспортно-логистического и энерготранзитного потенциала.

“Притирка” взаимных интересов на линии Беларусь–Евросоюз не протекала безукоризненно. Возникали недоразумения, в основе которых лежали обостренные требования Запада относительно прав человека и демократизации правящего курса в Республике Беларусь.

Несомненно, прагматизация с 2008 г. внешнеполитических усилий Республики Беларусь на западном направлении содействовала оздоровлению международной политики страны и усилению ее позиций как актора европейской политики. Становился реальностью поиск эффективных способов взаимодействия с европейскими странами.

вопрос 5.2. Современное состояние взаимодействия Беларуси с Европейским союзом

Европейское измерение внешней политики Беларуси с 2008 г. постепенно приобретало характер потепления. В первую очередь это относилось к отношениям на линии Беларусь–Европейский союз. Часть его стран-членов высказалась за улучшение двустороннего взаимодействия. Такие возможности создавал существующий климат экономических связей. За предыдущие 8 лет (2000–2007) торговый оборот между Беларусью и ЕС вырос в 15 раз. Это давало основание считать Евросоюз давним приоритетным партнером.

Минск позитивно оценил решения ЕС от 13 октября 2008 г. о восстановлении контактов с белорусскими властями, приостановлении визовых ограничений в отношении ряда официальных лиц, интенсификации технического сотрудничества в сферах взаимного интереса. Конструктивные моменты в развитии диалога впервые отразила резолюция Европарламента по Беларуси от 15 января 2009 г. А подписанное накануне (декабрь 2008 г.) двустороннее Рамочное соглашение создало правовую канву для развития отношений между Беларусью и ЕС в сфере международной технической помощи в рамках Европейского инструмента добрососедства и партнерства.

Активизировался политический диалог Минска с высокими представителями Еврокомиссии и Совета ЕС. В январе 2009 г. состоялась вторая встреча с “тройкой” Евросоюза на уровне министров иностранных дел. Конкретно и откровенно обсуждались темы взаимоотношений, возможности их улучшения, региональное взаимодействие, сотрудничество в экономике, энергетике, в транзитной инфраструктуре. Начались экспертные консультации по аграрной тематике, в сферах стандартизации, финансов.

3-5 ноября 2008 г. в Минске с рабочим визитом пребывала делегация Еврокомиссии во главе с заместителем руководителя Генерального директората по внешним связям Х. Мингарелли. Визит помог развить договоренности между министром иностранных дел С. Мартыновым и Верховным представителем ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Солано. Были обсуждены вопросы активизации и вывода на качественно новый уровень сотрудничества между Беларусью и Евросоюзом, в том числе, сближения национального законодательства с правом Европейского союза, подключения к западноевропейскому потенциалу технической помощи.

Событие, способное приобрести важные исторические последствия, произошло 20 марта 2009 г., когда Евросоюз официально утвердил программу “Восточное партнерство”. Республика Беларусь входила в нее без каких-либо условий. Возникшая еще в 1996 г. своеобразная международная изоляция заканчивалась вхождением страны в процессы европейской интеграции. Комментируя западный вектор белорусской внешней политики, российские аналитики стали утверждать о намерениях ЕС выстроить “санитарный кордон”

на западных рубежах России, а Беларусь “вытянуть” из Союзного белорусско-российского государства. Реальная цель заключалась в стремлении Западной Европы обеспечить себе полосу предсказуемости на своих восточных рубежах.

В целом сотрудничество приобретало локальный, выборочный, точечный характер, сосредотачиваясь на отдельных строго отобранных проектах.

После непризнанных президентских выборов 2010 г. в Беларуси Европейский союз проводил относительно Минска политику “критического взаимодействия”, условием возобновления диалога поставил требование освободить “политических узников”, снова ввел визовые ограничения и оказывал реальную поддержку только оппозиции. Так Брюссель стремился демократизировать белорусов без усилий самих белорусов, не осознавая, что только в белорусском обществе должны вырваться и происходить процессы демократизации.

Весной 2012 г., когда Евросоюз ввел частичные санкции, наступила патовая ситуация. Послы государств ЕС были отозваны из Минска, который в свою очередь, высказался за снижение дипломатических отношений до уровня консулов. Застой на линии Беларусь–Евросоюз затянулся до весны 2014 г., когда на фоне нарушения регионального равновесия из-за внутренней и внешней дестабилизации Украины наметились определенные позитивные сдвиги, хотя в Брюсселе и не отказались от политических претензий к руководству Беларуси. Украинский кризис подтвердил необходимость для Беларуси иметь нормальные связи с Евросоюзом и Россией одновременно, что предотвращало дестабилизацию, приносило определенные выгоды для страны и граждан.

Белорусский МИД включился в предложенный Еврокомиссией диалог “Временная фаза” (Interim phase), который в феврале 2014 г. инициировал в Минске представитель европейской службы внешнеполитической деятельности Дирк Шубель. Отношения в ее рамках ЕС не считал полноценным сотрудничеством, целостной нормализацией из-за преследования белорусских граждан по политическим мотивам. “Временная фаза” определялась как промежуточный период поиска выхода из тупика. Она возвращала Минск к такому же плану взаимодействия, который обсуждался в 2010 г. – перед президентскими выборами. Содержание плана – упрощение визового режима и проблем модернизации белорусской экономики путем доступа к технологиям, опыту преобразований, макрофинансовая помощь для ускорения процесса реформ. До этого Беларусь оставалась единственной европейской страной, не имеющей договоренностей о сотрудничестве с ЕС.

Таким образом, более двух лет (осень 2008 – начало зимы 2010) продолжалась политика нормализации отношений Беларуси и Евросоюза. Она стала возможной благодаря заинтересованности обеих сторон. Визиты президента А. Лукашенко в Италию и Литву в 2009 г. приобрели оттенок триумфа нормализации. Включение в программу “Восточное партнерство” представлялось серьезным прорывом страны в европейские процессы, восстановлением равновесия, победой белорусской дипломатии. Преодоление изоляции, пусть временно, создавало возможности улучшить двусторонние экономические связи на европейском направлении, участвовать в региональных проектах, международных программах по улучшению материального, социального, культурного состояния населения страны. Политически мотивированный очередной застой отношений Беларуси с ЕС в 2011–2013 гг. сменялся оживлением с весны 2014 г.

вопрос 5.3. Взаимодействие Беларуси с акторами “Восточного партнерства”

Среди акторов “Восточного партнерства” (ВП) – Европейского союза и стран-участниц Партнерства – складывались непростые отношения. Разные цели, которые преследовали акторы, предопределяли разную степень и оттенки сотрудничества.

В апреле 2014 г. Европарламент разрешил Украине, Грузии и Молдове подавать заявки на членство в ЕС при условии соблюдения ими принципов демократии. Другие страны ВП – Армения, Азербайджан и Беларусь не фигурировали в данном списке.

Накануне было представлено аналитическое исследование “Беларусь в регионе стран ВП (1992–2012)”, подготовленное Институтом политических исследований “Политическая сфера” (Литва) при поддержке Центра европейской трансформации. В нем белорусская внешняя политика относительно восточных партнеров очерчена как неустойчивая (особенно с Украиной и Молдовой) и исходящая не столько из стратегии двусторонних отношений в регионе, сколько из необходимости реагировать на разнообразные внешние импульсы и вызовы. При этом роль Украины определена как значительная и изменчивая, Молдовы – как ограниченно встроенная в белорусскую внешнюю политику. Документ выделяет две оси (линии), определяющие политику Беларуси: *геополитическую* (поиск механизмов влияния на Россию и противовесов на ее влияние, а также стремление стабилизировать отношения с Западом и сформировать каналы посредничества); и *экономическую* (поиск финансовой и кредитной помощи, альтернативных источников рынков сбыта). Названные линии иллюстрируют степень помощи в их реализации.

Беларусь пробовала искать поддержку акторов ВП на международной и региональной сцене (например, при голосовании за резолюции по Беларуси в разных международных организациях). В этом контексте значение имели Армения, Азербайджан и, ситуативно, Украина. По второй линии (экономической) среди акторов ВП наибольшее значение для Минска имела Украина (важный торговый партнер), меньшее, но заметное – Азербайджан (альтернативные источники нефти и кредитных ресурсов, рынок сбыта промышленной продукции) и Молдова. Сама Беларусь представляет интерес для Грузии как механизм преодоления визовых и таможенных преград при доступе на российский рынок.

Во взаимоотношениях стран ВП существенными также были шаги Беларуси использовать добрые отношения с Арменией для организации переговорного процесса между Арменией и Азербайджаном в качестве посредника по территориальной проблеме Нагорного Карабаха. Благодаря таким действиям Минск получил дополнительные механизмы воздействия на Азербайджан.

В рамках ВП отношения Минск–Брюссель отличались холодностью. Но сотрудничество ЕС с остальными странами-партнерами тоже не особенно поражало. Только в 2013 г. появились свидетельства реанимации программы, наиболее внушительным из них было готовящееся подписание на Вильнюсском саммите (ноябрь 2013 г.) соглашения об ассоциации между Евросоюзом и Украиной. После многочисленных трагических перипетий, смены власти в Киеве подписание состоялось в апреле 2014 г. на саммите в Праге. Аналогичные акции осуществлены с Грузией и Молдовой. В отношениях с Азербайджаном и Арменией сдвигов не наблюдалось. После саммита страны-партнеры выразительно разделились на две группы, и ситуация фактически привела к расколу ВП.

Тем не менее, процесс взаимодействия Беларуси с ЕС в рамках ВП весной 2014 г. активизировался. Диалог охватил участие страны в проектах международной технической помощи, получателем которой Беларусь является много лет подряд. В Минске прошли двусто-

ронние политические консультации с представителями дипведомств Австрии, Польши, Финляндии, Словакии.

Своим участием в ВП Беларусь стремится не обострять двусторонние и региональные отношения с Россией. Поэтому руководство страны подчеркивает важность гармонизации интеграционных процессов в Европе и привлечения России к участию в Партнерстве ради недопущения новых линий раздела в регионе ЦВЕ.

Таким образом, спланировав свои экономические отношения с Евросоюзом и двусторонние связи с акторами ВП, Республика Беларусь не смогла реализовать в полной мере свои стратегические цели. Конфликтность, высокий уровень политических претензий к белорусскому руководству, наконец кризис, вызванный ситуацией вокруг президентских выборов 2010 г., в значительной мере снизили ожидания и нивелировали промежуточные результаты белорусско-европейского сотрудничества. Брюссель не предложил никаких конкретных проектов взаимодействия стран-партнеров, и они поодиночке выстраивали направления сотрудничества в рамках ВП. Конкретные действия, в частности: создание зоны свободной торговли, содействие народной дипломатии, безвизовое пространство, увеличение инвестиций подменялись декларациями, что препятствовало Западу расширить свое влияние на страны-партнеры. Подписание двусторонних соглашений Евросоюза об ассоциации с Украиной, Грузией и Молдовой фактически предопределило политическую смерть ВП.

вопрос 5.4. Белорусские инициативы по укреплению региональной безопасности в рамках ОДКБ

В 2000-х гг. продолжалась эрозия системы европейской (а значит, и глобальной) безопасности, не просматривались перспективы международной поддержки российской инициативы 2007 г. о разработке Договора о европейской безопасности. В этих условиях для Беларуси не оставалось альтернативы участию в деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). ОДКБ – военно-политический союз в области безопасности семи стран: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана – был создан на основе Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. В мае 2002 г. ОДКБ получил статус наблюдателя при Генассамблее ООН.

В 2008 г. значительное внимание было придано формированию конструктивного взаимодействия ОДКБ с другими международными и региональными организациями, выработке механизмов реагирования на вызовы и угрозы в зоне ответственности Организации.

Переход в 2009 г. функций председателя ОДКБ к Беларуси ознаменовал инициирование серьезной работы по укреплению ОДКБ, встраивание ее в архитектуру международной безопасности. Инициативой Минска стало предложение углубить сотрудничество Исполкома СНГ и Секретариата ОДКБ по политико-военным вопросам. Стержень инициативы – более прочное взаимодействие двух организаций по противодействию новым вызовам и угрозам. Минск предложил усовершенствовать структуры Секретариата и Объединенного штаба ОДКБ, придав дополнительный импульс ее парламентскому измерению.

Параллельно Москва инициировала создание военного сегмента ОДКБ. В этом русле 4 февраля 2009 г. саммит глав государств-участников ОДКБ (Москва) принял решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. По мнению белорусской стороны, КСОР – не ответ на расширение НАТО на Восток, а логичная реакция на новые вызовы на пространстве ОДКБ: чрезвычайные ситуации, теракты, наркотрафик, экстре-

мизм. Общую численность КСОР планировалось довести до 15 тыс. человек; войска стран-участниц получали совместные системы связи и обязывались проводить совместные учения.

Первоначально участие Беларуси в новой военной структуре осуществлялось в рамках существующей региональной группировки с Россией. Дальнейшее функционирование КСОР потребовало более обстоятельных подходов. Минск согласился на создание постоянного контингента. Организация белорусской части КСОР оказалась непростым делом. В ее состав выделены 103-я гвардейская мобильная бригада, специальный отряд быстрого реагирования Внутренних войск МВД, а также подразделения МЧС и КГБ. Они готовились для участия в вероятном регионе дестабилизации на постсоветском пространстве – в Центральной Азии. Чтобы стать боеспособным в данном регионе, белорусский контингент приобретал специальные навыки умиротворения ныне называемой мятежевойны или конфликта низкой интенсивности. Основные формы мятежевойны – миннозасадная война, акты терроризма, гражданские беспорядки, вооруженные мятежи.

С 2010 г. в рамках ОДКБ реализовались четыре вида операций: борьба с незаконным перемещением оружия “Арсенал”, предупреждение незаконного перемещения людей “Нелегал”, информационная безопасность “ПРОКСИ” и совместная деятельность антинаркотических и специальных служб “Канал”.

Как известно, на саммите ОДКБ в Москве (июнь 2009 г.) Беларусь не подписала Соглашение о создании КСОР, поскольку по времени это событие совпало с российско-белорусским спором – так называемой «молочной войной». Нормализация отношений на линии РБ–ОДКБ (с последующим подписанием указанного Соглашения) наступила только в конце августа 2009 г., после переговоров в Сочи белорусского и российского президентов.

Кроме Беларуси, документ о создании КСОР не подписал Узбекистан, имеющий особое мнение относительно коллективных сил и реально не входящий в военные структуры ОДКБ. Ташкент выдели четыре собственных условия присоединения к КСОР: решение о применении коллективных сил должно приниматься не простым большинством участников ОДКБ, а на основе консенсуса всех участников; военные подразделения можно направлять на помощь стране, если только это не противоречит законам государств-участников ОДКБ; новая структура не должна втягиваться в конфликты между странами-членами ОДКБ; Соглашение о создании КСОР не будет применяться до его ратификации всеми государствами ОДКБ.

Во время празднования Дня Победы в 2014 г. белорусский президент А. Лукашенко подчеркнул правильность принятого в свое время решения об объединении в ОДКБ, заявив, что это особенно важно сейчас, когда “Запад фактически пошел на эскалацию напряжения через экономику, финансы, пытаясь ввести конкретные экономические санкции” (вероятно, имелись в виду международные санкции против России как западную оценку ее роли в дестабилизации Украины).

Таким образом, на постсоветском пространстве в ответ на современные международные реалии совершенствовалась деятельность военно-политической структуры – ОДКБ. При этом особое внимание придавалось развитию ее военного сегмента – КСОР.

вопрос 5.5. Корректировка внешней составляющей национальной безопасности Республики Беларусь

Эволюция геополитических реалий в конце 2000-х гг. требовала соответствующей корректировки концепции сохранения безопасности белорусского государства.

19 октября 2010 г. президент Беларуси на очередном заседании Совета безопасности объявил о разработке новой редакции Концепции национальной безопасности страны. Она была начата еще в середине года (вскоре после объявления очередных президентских выборов). Об этом сообщал госсекретарь Совета безопасности Л. Мальцев. По его словам, новая редакция концепции “во-первых, соответствует той обстановке, которая складывается в республике и вокруг нее и, во-вторых, более системно будет определять работу и государственных органов, и общественных организаций, и граждан по обеспечению национальной безопасности страны”.

Текст обновленной Концепции, как и ее предшественники, не распространен. О ее содержании можно судить по положениям, вынесенным на обсуждение, и по указаниям президента А. Лукашенко. Обновление концепции, безусловно, связано с уточнением внутри- и внешнеполитического состояния страны накануне президентских выборов 2010 г.

Предпоследняя Концепция национальной безопасности Республики Беларусь была принята также накануне президентских выборов и утверждена указом президента 17.07.2001. Исходя из тогдашней обстановки и внешней поддержки Беларуси Россией, практически весь документ пронизывала ориентация на восточного соседа. Так, в параграфе 2 “Безопасность Республики Беларусь в политической сфере” отмечалось, что “важнейшим фактором внешней безопасности является союз с Российской Федерацией”. Одной из основ сохранения независимости и устойчивого развития страны определялось тесное сотрудничество и формирование единого экономического пространства с РФ в рамках Договора о создании Союзного государства, а также поддержка обороноспособности при участии Беларуси в Договоре о коллективной безопасности.

Очередные президентские выборы 2010 г. становились своеобразным Рубиконом во внешнеполитической стратегии страны. Было важно в ближайшее время найти определяющие точки соприкосновения – либо с Кремлем, либо с Брюсселем. В данной ситуации новая Концепция, в зависимости от принятой ориентации, была призвана послужить инструментом налаживания партнерских отношений с одной, но вероятнее всего, в зависимости от политических реалий – с обеими сторонами. Суть изменений в новой Концепции можно охарактеризовать кратко: прежний документ строился на общих точках соприкосновения с Россией, документ 2010 г. основывался на общих точках соприкосновения с Россией и Брюсселем.

Согласно оценкам Запада, внешнеполитический сегмент Концепции основан на, минимум, четырех “столпах”: а) экономической независимости страны от России; б) диверсификации энергетических поставок; в) новых экспортных рынках и ограниченных иностранных инвестициях; г) отсутствии экономических санкций со стороны Запада.

В выступлении на заседании Совета безопасности 19.10.2010 президент А. Лукашенко сделал вывод, что “состояние существующей глобальной и региональной архитектуры безопасности, правовых инструментов ее обеспечения не вселяют оптимизма”, а подходы к сохранению безопасности страны объективно не могут оставаться неизменными. В новых реалиях Беларусь искала договорно-правовые, политические и силовые способы выхода на международную арену самостоятельным субъектом, и получателем чьей-либо поддержки.

На упомянутом заседании были определены дополнительные меры защиты национальных интересов Беларуси в новых условиях и одобрен их уточненный перечень в области международных отношений. Они были сформулированы следующим образом:

- геополитические интересы, связанные с обеспечением территориальной целостности и политической независимости страны. Беларусь заинтересована в поддержании баланса между европейским и евразийским политическим, экономическим и стратегическим пространством. Односторонняя ориентация не соответствует национальным интересам Беларуси и ее геополитическому положению;
- экономические интересы, связанные с необходимостью интеграции белорусской экономики в европейский и мировой хозяйственный и инвестиционный процесс: обеспечение страны энергетическими и сырьевыми ресурсами, поддержание конкурентоспособности национального производства при гарантировании социальной защищенности, обеспечение стабильной денежной единицы, развитие тесного сотрудничества с соседними государствами;
- военно-политические интересы Беларуси заключаются в обеспечении эффективной защиты суверенитета и территориальной целостности страны, ее государственной системы, военного и экономического потенциала. Безъядерный статус Беларуси соответствует принципам европейской безопасности, подкрепляется гарантиями безопасности со стороны ведущих мировых держав и военно-политических организаций;
- региональные, субрегиональные, локальные интересы, связанные с обеспечением разнообразных специфических потребностей внутреннего развития Беларуси.

При сохранении национальных интересов Беларуси в области международных отношений ставилась задача придать всей деятельности опережающий характер. Внешняя стратегия призывалась показать мировой общественности транспарентность и предсказуемость политики, надежность Беларуси как ответственного партнера и донора безопасности.

Новая концепция была сигналом свершения определенных перемен. Вместе с тем, она не свидетельствовала о революционных изменениях во внешнеполитической стратегии. В частности, было маловероятным, что внешнеполитическая направленность Беларуси сменится на 180°, и Минск откроет двери для НАТО, а сотрудничество в рамках Союзного государства и ОДКБ будет перечеркнуто. Как минимум допускалось, что из новой редакции концепции исчезнет одномерная внешнеполитическая ориентация на Россию, одновременно возрастет роль страны как посредника в разнообразных переговорных процессах.

Концепция национальной безопасности страны потребовала соответствующей корректировки концепции внешней политики. Ее периодическое обновление согласно особенностям внешнеполитической стратегии, как части Концепции национальной безопасности, обеспечивается Министерством иностранных дел Республики Беларусь, а документ утверждается президентом страны.

В качестве резюме подчеркнем, что сложная международная ситуация, напряжение вблизи государственных границ Беларуси ставили перед страной обостренный вопрос о надежности ее внешней составляющей национальной безопасности.

вопрос 5.6. Особенности реализации внешнеполитического курса Республики Беларусь до и после президентских выборов 2010 г.

19 декабря 2010 г. прошли очередные выборы президента Беларуси. Внешнеполитические акции и инициативы руководства в этот период нацеливались на сохранение экономической и политической стабильности, устойчивого развития страны. Между тем, избирательная кампания имела ряд особенностей. Главная среди них: существенное изменение внешних акцентов в отношениях к стране. Произошел явный отход от прежней линии неустойчивого

балансирования Беларуси “на одном крыле” с креном на восток. В этих условиях усилия руководства гармонизировать многовекторную внешнюю политику вылились в решение ряда острых и даже кризисных ситуаций на линии Запад–Россия.

Начало года отметилось мажорной нотой: визитами двух делегаций Еврокомиссии и улучшением отношений с ЕС. Тогда же в Брюсселе решили, что политика изоляции Беларуси – неэффективная. Но уже в феврале вспыхнул скандал вокруг непризнанного властями Союза поляков в Беларуси. Минску напомнили о необходимости выполнять обязательства в рамках ОБСЕ. В марте, после местных выборов, та же ОБСЕ не признала выборы соответствующими демократическим стандартам.

К середине 2010 г. обозначились серьезные проблемы и на противоположном направлении – кризис в отношениях с Россией в связи с отказом восточного партнера в сохранении прежнего благоприятного для Беларуси формата продажи энергоресурсов. Сентябрь–ноябрь примечательны продолжительной информационной войной между Минском и Москвой, откуда велась дискредитация белорусского лидера как главного кандидата в президенты. В специальном заявлении российской Госдумы от 6.10.2010 и в блоге президента Д. Медведева осуждалась “антироссийская предвыборная риторика белорусского руководства”.

Кризис углублялся и достиг необычайной остроты к началу декабря. Публичные взаимные упреки лидеров дали зацепку аналитикам говорить о “точке невозврата” в состоянии российско-белорусского стратегического партнерства. Однако у каждого из участников информационных атак имелись прагматичные расчеты. Белорусская сторона прогнозировала, что ради реализации идеи Единого экономического пространства с участием Беларуси и Казахстана Москва пойдет на уступки; российская сторона рассчитывала, что ради получения энергоносителей по приемлемым ценам Минск откажется от крена в сторону Запада.

Второй зигзаг внешней политики Беларуси связывался с попыткой нормализовать отношения с Европейским союзом. Дипломатические усилия Минска, предпринятые летом 2010 г., дали результат. В Брюсселе и Вашингтоне пришли к выводу, что наступил момент для переориентации белорусской внешней политики, и он обусловлен экономически. В частности, поскольку уже на ЕС падает наибольший внешний рынок Беларуси, то возможности ее экономического роста и технологического прогресса лежат на Западе. Там победила линия на содействие общественно-политической трансформации и оказание помощи Беларуси кредитами и инвестициями. Казалось, что прежний союз с Россией менялся на новый альянс, на этот раз, с Евросоюзом.

Третий внешнеполитический поворот произошел накануне выборов. Неожиданно и быстро, на дипломатическом уровне белорусско-российские отношения нормализовались. 9–10 декабря 2010 г. в Москве проходили последовательно один за другим три саммита: Таможенного союза+ЕврАзЭС, ОДКБ и СНГ. Сразу после подписания трехстороннего соглашения Беларуси, Казахстана и России о создании Единого экономического пространства (ЕЭП) состоялась встреча белорусского и российского президентов. Были согласованы договоренности о поставках российской нефти в Беларусь. Встреча и оказалась точкой нового поворота в выборе внешних приоритетов Республики Беларусь. Предполагаемый геополитический разворот лета-осени 2010 г. заканчивался возвращением в исходный пункт.

На протяжении всей осени официальный Минск подчеркивал направленность на компромиссы с Западом и желание, чтобы там признали результат выборов. Но по предложению Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) Запад не признал действительность пре-

зидентских выборов в Беларуси, аргументируя такое решение “несправедливым подсчетом голосов” и “брутальным разгоном силовиками демонстрации 19 декабря в Минске”. Вместе с непризнанием результатов выборов Евросоюз констатировал, что не сработала политика сближения с Беларусью. Восстанавливались прежние и вводились новые политические санкции. Белорусский МИД твердо ответил готовностью пойти на “пропорциональные и адекватные по содержанию меры”.

Действительной внешнеполитической интригой всей предвыборной кампании оказалось присоединение Беларуси к ЕЭП – важнейшей части политической стратегии российского руководства. Уже с начала 2011 г. заинтересованно обсуждались выгоды и потери Беларуси от вступления в эту интеграционную структуру. В перечне выгод: гарантированный сбыт продукции, сокращение дефицита внешней торговли, российские инвестиции, дешевые энергоносители. Потенциальные потери сводились к угрозам: закрытия до 30 % неконкурентоспособных белорусских предприятий и скупки россиянами других предприятий, введения высоких ввозных пошлин либо запрета ввоза на внутренний рынок многих зарубежных товаров, потери смысла государственного дотирования аграрного сектора из-за продажи по себестоимости до 80 % его продукции на рынке ЕЭП, подчинения отечественных торгово-экономических правил российским, поскольку наша экономика в 16 раз меньше российской.

Политические и экономические взаимоотношения с Западом на протяжении 2011 г. ухудшались, и с весны следующего года Беларусь оказалась под прессом его санкций. Их введение принудило руководящие круги страны значительно диверсифицировать экономику, а ограничения со стороны ЕС компенсировать на других зарубежных рынках. Все занятые экспортом структуры стали активно работать в странах так называемой дальней дуги: с Китаем и другими странами Юго-Восточной Азии. Часть торговых операций была переключена на Латинскую Америку и Африку. В странах этих регионов расширялось белорусское дипломатическое присутствие. Не секрет, что в значительной степени такие меры осуществлялись для страховки от негативных последствий, вызванных санкциями Евросоюза. Комплексные усилия давали определенный эффект. Обвала экономики не произошло, протекал неторопливый процесс стабилизации социально-экономического и валютно-финансового состояния страны. В середине 2014 г. Беларусь заняла 82-е место в рейтинге лучших стран мира (данные сайта *Good Country Index*). Рейтинг учитывал такие показатели, как образование, наука, торговля, культура, вклад в сохранение мира, охрана здоровья, цензура, климат и ряд других факторов.

вопрос 5.7. Позиция Беларуси относительно событий 2013–2014 гг. в сопредельной Украине

После краха социализма в СССР казалось, что все бывшие социалистические страны принимают европейские ценности и на этой основе консолидируются с Западной Европой. Но вскоре выявились цивилизационные пределы. Из постсоветских республик лишь страны Балтии оказались в Евросоюзе.

После “бархатных революций” прошло почти четверть века. Разразившийся украинский кризис продемонстрировал наличие явного цивилизационного разлома. Это – классический конфликт цивилизаций; на этот раз российской цивилизации или “русского мира” – против евроатлантической цивилизации. В контексте украинского кризиса российские телеканалы представляют США и Европу в виде не только геополитического противника, но и в

образе абсолютного зла. Причем народ и власть России оказались “в одном окопе”. Это означало, что нынешнее противостояние – не только геополитическое, но и ценностное. Оно откидывает регион ЦВЕ в эпоху “холодной войны”. В этом конфликте Украина оказалась посередине, более того, цивилизационный разлом ее разделил на две части.

Ситуация в Украине, которую Запад назвал умышленной дестабилизацией суверенного государства усилиями России, началась как очередной “Майдан” – общественный протест против антинародной политики президента В. Януковича, непомерной коррупции и непоследовательности внешнеполитического курса: союзничества с Западом либо Россией. После присоединения Крыма к России в середине марта 2014 г. (референдум 16.03.2014) ситуация переросла в серьезный кризис с открытым использованием вооруженных сил, неся в себе угрозу фатальных локальных, региональных и международных последствий. Согласно принятому 28.04.2014 украинскому закону территории Крыма и Севастополя, воздушное пространство над ими и территориальное море объявлены временно оккупированной территорией Украины. Вслед за этим на юго-востоке страны разгорелось сепаратистское движение, и этот район оказался под угрозой отрыва от основной территории либо, как минимум, перед перспективой очага для последующего преобразования государства из унитарного в федеративное или конфедеративное.

Относительно ситуации в Украине и возможного участия военно-политических блоков в ее разрешении генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа заявил, что ОДКБ и НАТО не должны вмешиваться, хотя ОДКБ отслеживает обстановку, и оценки – негативные. Заметим, что правовой механизм членства не позволял ОДКБ вмешиваться, поскольку он обязывает страны-члены участвовать в определенных военных действиях оборонительного, а не наступательного характера, это значит, только на территории стран-членов ОДКБ (Украина им не является). ОДКБ лишь демонстративно прервала сотрудничество с НАТО. Парламентская ассамблея НАТО разорвала сотрудничество с Россией. Парламентская ассамблея Совета Европы 10.04.2014 лишила российскую делегацию права голоса до конца года и исключила из всех руководящих органов.

Фактически Украина разорвала двусторонние отношения с Российской Федерацией, официально заявив, что Россия осуществила военную агрессию на территорию Украины, уничтожила систему европейской безопасности, нарушила международное право.

Высшие руководители США, Евросоюза, ряда европейских государств выступили с призывами к России прекратить дестабилизирующие действия на юго-востоке Украины, а затем ввели ряд санкций, в том числе секторальных, против отдельных российских граждан, финансовых учреждений и компаний. Украина и ЕС 27.06.2014 завершили подписание Соглашения об ассоциации в полном объеме (политическая часть Соглашения подписана 21.04.2014). Становилось фактом, что Украина потеряна для евразийской интеграции.

27 марта 2014 г. Генассамблея ООН подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, признав референдум 16 марта в Крыму о его присоединении к России незаконным. 10 стран, включая Армению, Боливию, Кубу, КНДР, Никарагуа, Судан, Сирию, Венесуэлу, Зимбабве и Беларусь, поддержали Россию. Это был фактически единственный официальный шаг Минска в поддержку действий Москвы в Украине.

Понятно, что украинский разлом не мог не затронуть соседнюю Беларусь. Белорусское общество оказалось расколотым относительно роли и влияния внешних факторов в эскалации и урегулировании кризиса в Украине. Было очевидно, что действия России против

Украины воплощали курс на пересмотр последствий распада СССР, и они должны были повлиять на белорусско-российские отношения – с учетом их союзнических взаимоотношений. Но единства в прогнозах относительно конкретных коррективов в отношениях не было. Большинство зарубежных экспертов сходилось в том, что после Украины Москва будет более решительно брать под контроль белорусского союзника. Иные допускали, что Россия в условиях международного кризиса и конфликта с Западом будет щедро платить за лояльность своему единственному союзнику – Беларуси. Одно было ясно: официальному Минску трудно сохранить прежнюю модель взаимоотношений с Москвой, которая до тех пор строилась по схеме: союзная с Россией Беларусь получает российские дотации, но при этом сохраняет независимость во внутренней, экономической, внешней, военной политике. Если судить по публичным высказываниям президента А. Лукашенко, он учитывает, что возникла новая ситуация, которая потенциально повлияет на независимость Республики Беларусь.

Большую часть вины за трагедию в Украине белорусские власти возлагали на Запад. Минск акцентировал внимание на том, что еще на саммите ЕС в Вильнюсе (ноябрь 2013 г.) президенту В. Януковичу декларировалась поддержка, но исключалась конкретная материально-финансовая помощь. И вот то, что не обещал В. Януковичу, Евросоюз в условиях разгоревшейся конфронтации весной 2014 г. реализовал немедленно, выделив почти 15 млрд евро помощи. Другие западные структуры также гарантировали значительную помощь. Возникает вопрос: если бы эти структуры оценили серьезность ситуации ранее, то видимо, не дошло бы до такой степени дестабилизации?

Но даже в условиях украино-российской конфронтации белорусские власти подчеркивали суверенное право Украины заключать соглашение об ассоциации с ЕС. Минск не усматривал оснований влиять на геополитический выбор Киева и оптимистично рассчитывал возможности выстроить в новых условиях двусторонние торгово-экономические отношения. Однако при этом подчеркивал неприемлемость вступления Украины в НАТО.

Белорусское руководство неоднократно заявляло о заинтересованности в стабильных политических, экономических, гуманитарных отношениях с соседями, готовности приложить все усилия, чтобы вернуть отношения между Украиной и Россией в нормальное русло. 3.03.2014 министр иностранных дел В. Макей заявил: “Мы заинтересованы в том, чтобы Украина осталась стабильным, территориально целостным, независимым государством, чтобы там не было того, что сейчас происходит. Я назвал это трагедией”. Президент А. Лукашенко встретился в своей резиденции на Полесье с и. о. президента Украины А. Турчиновым, присутствовал на инаугурации нового президента П. Порошенко. Он неоднократно высказывался против федерализации Украины, осознавая, что Москва “продавливает” именно идею федерализации.

Белорусская столица стала сначала площадкой переговоров между противоборствующими сторонами в Украине, а затем местом обсуждения проблемы на саммите «нормандской четверки». По мнению многих политиков, Беларусь удостоилась титула «донора региональной безопасности». Действительно, предложение белорусского руководства оценивалось не только как чисто техническое (предоставление переговорной площадки), но и как следствие особой позиции в украинском вопросе. «Минский процесс» – переговоры по урегулированию конфликта в Украине – для белорусского руководства вытекали из стремления помочь установлению мира на территории дружественного государства, сохранить добрососедские белорусско-украинские отношения и спокойствие на своей южной границе. Аналитики счи-

тали, что позиция Беларуси в этом конфликте сдвинула процесс нормализации отношений Минска с Западом, в то же время привела к определенному напряжению с Россией.

Пока оставались преждевременными ожидания некоторых слоев белорусского общества на то, что после включения Украины в европейское сообщество Беларусь получит новый импульс для развития белорусско-европейских отношений. Сама Украина оказалась не только перед серьезными испытаниями, но и стояла на пороге трудных реформ, которые должны произойти в соответствии с логикой соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Успех-неуспех реформ, степень европеизации Украины будут влиять и на Беларусь. Но на данном этапе после подписания договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) европейские перспективы Беларуси оказались отодвинуты на задний план. Беларусь взяла курс на создание евразийского пространства, где предусмотрено не только экономическое, но политическое и военное сотрудничество. Скорее всего, Минск и далее будет балансировать между Востоком и Западом.

Таким образом, в первые 10-летия XXI в. внешнеполитическая стратегия Республики Беларусь переживала потребность корректировки соответственно новым процессам в регионе ЦВЕ и обновленной Концепции национальной безопасности государства. Эволюционная сущность этих изменений сводилась к укреплению многовекторности внешней политики, но иногда приводила к балансированию Беларуси между интересами России, как стратегического союзника, и амбициями Европейского союза. Результаты президентских выборов 2010 г. стали поводом очередного кризиса в отношениях Беларуси со странами и организациями Запада. Его последствия только с весны 2014 г. начали понемногу сменяться активизацией взаимоотношений, а преодоление валютно-финансового кризиса 2011–2012 гг. протекало с затруднениями.